

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом¹

О. Виссер

Оане Виссер, старший научный сотрудник Международного института социальных исследований Университета Эразмуса. Нидерланды, Роттердам, 2518 AX, Kortenaerkade 12. E-mail: visser@iss.nl

Аннотация. В статье речь идет о том, как представления о земле и климате влияют на дискурсы и практики инвестирования в сельскохозяйственные земли. Зарубежные инвесторы в сельскохозяйственные земли черноземных регионов России и Украины были очарованы плодородием почв, но упускали из виду климатические факторы. В статье показана многовековая история иностранцев, которые приезжали в данный регион, соблазненные плодородными землями, но недооценивали местный климат, оказывавший колоссальное влияние на жизнеспособность хозяйств и окружающую среду. Параллели с исторической и современной литературой по другим регионам (например, американским прериям и Северной Африке) показывают, что подобная недооценка климатических рисков весьма характерна для прибывающих в ресурсные фронтиры.

Ключевые слова: представления о земле, незнание, почва, земельные инвестиции, климат

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-21-49

-
1. Это переведенная и переработанная версия статьи: *Visser O.* (2021). Persistent farmland imaginaries: celebration of fertile soil and the recurrent ignorance of climate. *Agriculture and Human Values*. Vol. 38. P. 313-326. <https://doi.org/10.1007/s10460-020-10154-1>

Исследование для данной статьи было поддержано Европейским исследовательским советом (ERC), грант (StG 313871). Я выражаю свою благодарность за советы и комментарии Дэвиду Муну (David Moon), Саре Рут Сиппель (Sarah Ruth Sippel) и Тане Ричардсон (Tanya Richardson), а за перевод — Александру Куракину.

ТЕОРИЯ

Наша компания владеет обширным банком первоклассной земли... Такой тип почвы называется черноземом, он черного цвета и содержит высокую долю гумуса... Обычно он уходит на большую глубину, более 1 метра, и представляет собой структуру вроде глины, которая облегчает полевые работы, а также хорошо удерживает воду.

Веб-сайт шведской земельной компании Black Earth Farming, которая работала в России и Украине в 2005–2017 гг.³

В статье описана поразительная историческая устойчивость представлений о сельскохозяйственной земле, несмотря на опровергающие эти представления факты. Так благоприятный образ почвы способен заслонить собой в глазах инвесторов важные климатические факторы, которые могут иметь долгосрочные последствия для деятельности сельскохозяйственных предприятий и окружающей среды. Примером здесь послужит чернозем, считающийся самой плодородной почвой в мире. Наиболее обширные пространства чернозема находятся на юге России и большей части Украины⁴. Начиная с середины 2000-х годов в данную черноземную область, эту житницу бывшего Советского Союза, пошла лавина земельных инвестиций, которые можно считать частью глобальной земельной лихорадки (или «захвата земель»). Отчеты земельных инвесторов, стекавшихся в этот регион в поисках «нетронутой» земли, были переполнены восторженными одами «чернозему, миллионам гектаров ультраплодородной сельскохозяйственной земли» (The Local, 2009), «легендарной»⁵ и «лучшей в мире почве» (Kuns et al., 2016; Visser, 2017), «земле твоей мечты» (The Local, 2009), за которую западные фермеры «готовы убить». Такой ажиотаж вокруг чернозема имеет под собой солидные научные основания, так как нет сомнений в том, что он является одним из самых плодородных, если не самым плодородным, типом почв в мире и обладает множеством характеристик, благоприятствующих высоким урожаям (Moon, 2013). Чернозем может давать высокие урожаи благодаря высокому содержанию гумуса, фосфора и фосфорных кислот, аммиака.

2. Dokuchaev 1994.

3. База данных автора. Отрывок взят с веб-сайта: <https://blackearthfarming.com>

4. Россия и Украина обладают наибольшими территориями чернозема в Евразии, однако сам черноземный пояс простирается от Казахстана до Сербии. Также большие площади чернозема можно найти в Северной и Южной Америке (по классификации минсельхоза США, эта почва называется «моллисол»).

5. www.brookings.edu/blogs/future-development/posts/2016/03/03-farm-land-reform-ukraine-strubenhof

Несмотря на огромные преимущества чернозема для ведения сельского хозяйства, результаты работы иностранных инвесторов в России и в Украине оказались хуже ожиданий, а в ряде случаев — откровенно провальными (Kuns et al., 2016; Visser, 2017). Хотя на первых порах они сумели собрать значительные инвестиции и их акции высоко котировались, что отражало высокие ожидания от их деятельности, компании стали работать в убыток, нередко много лет подряд, а две из них были вынуждены отозвать свои акции с биржевых торгов. Таким образом, первый вопрос, на который мы попытаемся ответить в этой статье, *как можно объяснить такое несоответствие ожидаемых и реальных результатов работы зарубежных инвесторов в черноземном регионе?* Наша гипотеза состоит в том, что нарративы инвесторов, одержимых черноземом, не только подогревали завышенные ожидания, но одновременно и способствовали печальным результатам их деятельности⁶. Зацикленность на почве была эффективным инструментом «продать» бизнес-проект глобальным земельным инвесторам, однако она же их и ослепила. Были преуменьшены, отодвинуты на задний план или вовсе упущены из виду такие важные аспекты ведения сельского хозяйства, как изношенная сельская инфраструктура и изменчивая погода, причем как на уровне курса, так и на уровне стратегий и действий предприятий. Далее мы покажем, что в ряду многих факторов, которым земельные инвесторы не уделили достаточно внимания из-за фиксации на почве, наиболее удивительным выглядит игнорирование климата, что и привело, вероятно, к наибольшим негативным для прибыльности предприятий последствиям.

Ожидания земельных инвесторов являются лишь современной реинкарнацией старых представлений о черноземе. Мы покажем удивительную преемственность в «очаровании» черноземом. Начиная с экспансии Российской империи на юг и восток в конце XVII и в XVIII веках, вопрос климата в значительной мере игнорировался или неправильно понимался (Wheatcroft, 1977; Wheatcroft, Davies, 1994; Moon, 2013). Климат не учитывался как в советский, так и в досоветский периоды, несмотря на многочисленные случаи неудач в сельскохозяйственном освоении новых земель, которые в значительной мере проистекали из-за этой недооценки. Подобные представления к земле мешали новичкам эффективно приспособиться к агроклиматическим условиям, и следовательно, второй исследовательский вопрос в статье следующий. *Почему подобные представления о земле столь устойчивы, а климату постоянно не уделяют должного внимания, несмотря на сельскохозяйственные неудачи и растущее число фактов, противоречащих этим представлениям?*

6. Разумеется, наряду с другими факторами, о чем речь пойдет ниже.

Отвечая на два поставленных выше вопроса, наше исследование демонстрирует, как представления о земле могут начать жить собственной жизнью, вести к далеко идущим последствиям для сельскохозяйственных предприятий и изменять отношения людей к земле в целом. Также в статье рассматриваются факторы, влияющие на устойчивость представлений о земле, несмотря на противоречащие им факты. В более широком плане, как и в работе С. Сиппель и О. Виссера (Sippel, Visser, 2020), в статье аргументируется, что при изучении проектов и ресурсных фронтиров нужно обязательно уделять внимание вопросам репрезентации, изучения, а также сокрытия информации, что хорошо прослеживается в представлениях о земле.

Статья опирается на научные публикации по вопросу о том, как природа (в частности, земля) превращается в природные ресурсы (Richardson, Weszkalnys, 2014; Li, 2014) и финансовые активы (Ouma, 2016; Visser, 2017), о земельных инвестициях (Visser et al., 2012; Wolford et al., 2013) и об истории окружающей среды (Worster, 1979; Moon, 2013, 2020), в особенности в степных регионах фронтаира поселенческих колоний (Worster, 1979; Cronon, 1991; Moon, 2020), но также в определенной мере на Глобальном Юге (Davies, 2007, 2011). По мнению С. Оумы (Ouma, 2016), исследования по превращению разнообразных видов сельскохозяйственных земель в финансовые активы пока не уделяют достаточно внимания исторической стороне данного феномена. В статье предпринята попытка исправить этот недостаток, используя исторический подход при изучении собирания земель в конкретном регионе. Мы опирались на анализ исторических корней современных инвестиций в природные ресурсы и их коммодификации (Edelman, Leon, 2013), а также природно-социальной истории географических регионов (Worster, 1979; Cronon, 1991; Moon, 2013, 2020).

Статья имеет следующую структуру. Вначале нами описана концептуальная рамка, затем следует раздел, в котором представлен изучаемый регион и методология исследования. Далее обсуждается ажиотаж вокруг чернозема в 2000-х годах и в прошлых столетиях. В четвертом разделе показано, что инвесторы в черноземный регион исторически не уделяют должного внимания климату, и описаны негативные последствия этого. В пятом разделе задается вопрос, почему же представления о земле, превозносящие чернозем и игнорирующие климат, оказались столь устойчивы. Для ответа на этот вопрос мы приводим примеры других регионов, где можно наблюдать такое же застарелое игнорирование или недооценку климата со стороны иностранцев. В заключение мы делаем вывод, что по всему миру недооценка климата в случаях ресурсных фронтиров оказывается на удивление типичной для представлений о земле как прошлого, так и настоящего.

Вопрос о том, каким образом та или иная окружающая среда способствует либо препятствует инвестициям в землю, пока еще изучен недостаточно глубоко (Wolford et al., 2013). В аграрных исследованиях биофизическая окружающая среда обсуждается довольно поверхностно, как правило, только чтобы показать, насколько она привлекательна для приобретения земель инвесторами (Goldstein, 2016: 756). Фактически нет работ, где бы «речь шла о том, как используются земли и окружающая среда», приобретенные инвесторами, и «как управление окружающей средой зависит от знаний о пригодности земли для аккумуляции и развития» (Ibid.). Вслед за Т. Ли (Li, 2014) вопрос был переформулирован, а именно: как *сделать* землю пригодной, а следовательно, привлекательной для инвестиций (ср.: Goldstein, 2016: 756). До сих пор в исследованиях о превращении земли в привлекательный объект для инвестиций рассматривались нарративы инвесторов о собственности и территориальных аспектах земли и лишь иногда слегка затрагивались ее экологические характеристики. Например, широко отмечалось, что определение земель как «неиспользуемых» или «неплодородных» является стратегией инвесторов и действующих в их интересах государств ради обоснования скупки этих земель по дешевке (Visser et al., 2012; Wolford et al., 2013). Таким образом, внимание исследователей сосредоточено на том, как инвесторы намеренно используют в своих дискурсах определенные понятия о земле для своей выгоды, однако на эти дискурсы также влияют и неявные, непреднамеренные представления о земле. Итак, мы утверждаем, что концепция «представлений о земле»⁷ будет полезной для выявления этих, более скрытых, понятий о земле.

Представления о земле

Действия инвесторов и других акторов не являются только лишь прямым выражением их экономических или политических интересов. Интересы и стратегии, а также конкретные операции с землей и ее трансформация опосредуются представлениями о земле, а именно — пониманием того, что такое земля, что она может или должна давать, и как люди могут или должны с ней взаимодействовать (Sippel, Visser, 2020; более широкий взгляд на социотехнические представления см. в: Jasanoff, 2015). Подобные представления далеко не всегда выражаются в явном виде или используются сознательно. Напротив, представления о зем-

7. Или образов земли (в оригинале — land imaginaries). — *Прим. пер.*

ле составляют мыслительные структуры, которые влияют неявно и подсознательно на практические действия в отношении земли (Davis, 2011). В этом смысле представления о земле суть само собой разумеющиеся идеи о земле, выработанные в рамках тех или иных групп, которые, однако, на бессознательном уровне влияют на практики землепользования. Подобные представления могут быть отражены в нарративах, финансовых показателях, картах или веб-сайтах. Скрытая и нерелексивная природа представлений о земле подразумевает, что они могут иметь непредвиденные или нежелательные последствия. Соответствующая литература часто представляет земельных инвесторов в виде беспринципных жонглеров понятиями, старающихся таким образом представить свои инвестиции в наиболее выгодном свете перед фондами, государствами и сообществами, чтобы получить еще более высокую прибыль. В нашей статье мы постарались показать, что в то время как продвигаемые инвесторами дискурсы о земле безусловно влияют на общество, более общие представления о земле, распространенные в этом обществе, одновременно влияют на самих инвесторов.

Чересчур оптимистичный дискурс инвесторов, основанный на поверхностных представлениях о земле (т. е. не учитывающих ряд рисков и, следовательно, переоценивающих продуктивность земли), может привлечь поддержку со стороны фондов и государства, но одновременно, загнать инвесторов в ловушку, вовлекая их в рискованные, заведомо неосуществимые проекты (ср.: Visser, 2017). Мы постарались сформулировать, какие именно представления преуменьшаются или вовсе игнорируются, опираясь, во-первых, на публикации о представлениях (образах) о земле, а во-вторых, о незнании (или «агнотологии») (Proctor, 2008), особенно об окружающей среде (Proctor, 2008; Uekotter, Lubken, 2014). Если дискурсы инвесторов и представления (образы) о земле можно преувеличить или приукрасить, то материальная природа земли сопротивляется человеческому вмешательству. Тогда как некоторые исследования материальности в первую очередь нацелены на вопрос о том, как взаимодействие между человеческими и нечеловеческими акторами создает социоприродные объекты, в данной статье мы исходим из того, что физические объекты природы существуют или изменяются и в результате взаимодействия с людьми, и независимо от него (ср.: Moon, 2020: 22). С этой точки зрения можно утверждать, что даже те черты природного окружения, которые по большей части существуют независимо от человеческого влияния, воспринимаются избирательно (Hirsch, 1995), посредством различных ощущений или инструментов (ср.: Cosgrove, 2003). Подобная избирательность воздействует на то, как люди используют и формируют образ природы, и в конечном счете влияет на сознание самих людей.

Чтобы понять, как чернозем стал настолько важен для дискурсов инвесторов в сельское хозяйство России и Украины, мы изучили литературу о том, как природные объекты превращаются в природные ресурсы (Richardson, Weszkalnys, 2014), а впоследствии и в финансовые активы (Larder et al., 2017; Li 2014; Ouma, 2016; Visser, 2017). Хотя транснациональные земельные инвесторы, особенно из финансового сектора, считаются все более независимыми, виртуальными и далекими от «реального» хозяйства, однако при инвестировании в землю в иностранном государстве они вынуждены серьезно относиться к материальной природе объекта инвестирования. Во-первых, хотя ресурсы являются во многом результатом деятельности человеческого разума, не следует забывать об ограничениях, которые «неодушевленная» природа устанавливает нашему сознанию и практикам использования этих природных ресурсов (Richardson, Weszkalnys, 2014: 15). Действительно, как утверждают Т. Ричардсон и Г. Вескалнис, «сегодня “превращение” в ресурсы понимается скорее в терминах использования и возможностей, предоставляемых нам материей, это можно охарактеризовать как силу или потенциал материи, которые, в свою очередь, зависят от исторических, социальных и материальных обстоятельств, конституирующих ресурсную материю» (Ibid.) (ср.: Bennett, 2010). Другой важный тезис состоит в том, что природные ресурсы являются «мощной социальной категорией, в которую могут попадать (а также исключаться) и те части нечеловеческого мира, которые люди наделяют ценностями» (Bridge, 2009: 1218). Когда финансовые активы рассматриваются в виде ресурсов, они могут быть пересобраны и перегруппированы (Li, 2014; Visser, 2017). Превращение в ресурсы означает не только приобретение или потерю статуса ресурса, это зачастую более сложный и разнонаправленный процесс (Visser, 2017)⁸. В своей основе создание ресурсов и его продвинутая форма в виде создания активов — есть процесс абстрагирования (Richardson, Weszkalnys, 2014: 13), в том числе разделения и упрощения/редукции как на материальном, так и на концептуальном уровнях. Эти два аспекта — разделение и упрощение — ярко представлены в образах чернозема: ресурс может подвергаться также гомогенизации и стандартизации (Richardson, Weszkalnys, 2014: 3). Сам термин «(сельскохозяйственная) земля» уже является абстракцией (Li, 2014). До того как она стала восприниматься как «земля», она была «грунтом», «почвой», «пастбищем», «сушей» и т.п. (Ibid.)

О. Виссер
Западные агро-инвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

8. Это еще более справедливо в случае создания активов, которые можно рассматривать как более «продвинутой» форму коммодификации, чем создание ресурсов (Visser, 2017).

ТЕОРИЯ

В среде критических аграрных исследований существует обширная академическая литература по земельным инвестициям, опираясь на которую можно проводить широкие сравнения, в особенности с эпохой колониализма и огораживания в Англии (White et al., 2012). К сожалению, эти сравнения на глобальном или макроуровне в большинстве своем были довольно общи, в них отсутствовали серьезные социальные и/или экологические истории земельных инвестиций в конкретные регионы или страны. Недостаток литературы по земельным инвестициям, в которой бы уделялось внимание (1) материальности в форме экологической/биофизической основы и (2) историческим траекториям земельных инвестиций (и соответствующим представлениям), вынуждает обратиться к истории окружающей среды, которая изучает материальность природы и ее влияние на людей, в свою очередь людей на природу, а также восприятие природы людьми (Worster, 1977). В нашей статье мы рассматриваем в основном первый и последний аспекты.

История окружающей среды крайне важна для нашего исследования по целому ряду причин. Черноземный регион стал родиной науки «почвоведение». Более того, работа пионера — и, возможно, отца-основателя почвоведения — Василия Докучаева, основанная на результатах его экспедиции в черноземный регион, также послужила источником для первых экологических историй. Однако в советский и постсоветский периоды исследования сельского хозяйства и земли в данном регионе ставили во главу угла концепции политической экономики, собственности и социальной борьбы. Таким образом изучение масштабных идеологических и политических изменений в регионе маргинализировало роль окружающей среды в социальных исследованиях. Среди редких исключений можно выделить работы Дж. Смита и С. Уиткрофта, в которых природе отводилось более важное аналитическое место (Smith, 2014; Wheatcroft, 1977; см. также: Wheatcroft, Davies, 1994). Кроме упомянутых работ мы опираемся на ключевое исследование чернозема Дэвида Муна, в котором описывается экспансия российского сельского хозяйства в степи черноземного региона в дореволюционный период (Moon, 2013). Впрочем, мы не претендуем на выработку обобщенной истории окружающей среды, в которой бы сопоставлялись и оценивались различные репрезентации, а лишь используем различные исторические и современные суждения о земле, в том числе суждения историков окружающей среды, в качестве объектов анализа для теории представлений/образов о земле.

Черноземная зона: региональные особенности и методология

В статье речь идет о земельных инвестициях в черноземную зону России и Украины. Так как агроэкологические условия в этой зоне

схожи, то имеет смысл ограничить объект исследования природными условиями, нежели границами между странами. Кроме того, благодаря общей истории — как в имперский, так и в советский периоды — эти две страны имеют много схожих черт, так же как и их аграрное развитие в постсоветский период. Несмотря на различия в характере и скорости аграрных реформ и формировании рынка земли, обе страны одновременно столкнулись с появлением иностранных инвесторов, которые аккумулировали значительные земельные площади и объединили хозяйства множества приватизированных колхозов и совхозов в так называемые агрохолдинги (Visser, Spoor, 2011). Наконец, многие инвесторы рассматривали черноземную зону как единый регион для земельных инвестиций (с земельными площадями, пересекающими российско-украинскую границу), по крайней мере до 2014 года, когда между Украиной и Россией разразился конфликт и отношения между двумя странами испортились (Kuns et al., 2016). Агрохолдинги в Украине и в России, как иностранные, так и местные, контролируют огромные земельные площади, доходящие до нескольких сотен тысяч гектаров и двух тысяч работников (Visser et al., 2012; Kuns et al., 2016).

Источниками для нас послужила первичная и вторичная литература, а также полевые данные из разных мест⁹. Глубинные интервью и неформальные беседы с иностранными и местными земельными инвесторами в России и в Украине были проведены с 2013 по 2017 год. Респондентами выступили представители шведских, датских, голландских, немецких, британских и американских компаний, которые приобрели землю в России и/или в Украине. Четыре из этих компаний (три скандинавских и одна немецкая) входили в число 25 крупнейших землевладельцев РФ. Интервью сопровождались посещением предприятий, штаб-квартир и бизнес-встреч в Западной Европе. Также нами проводился анализ русскоязычных и англоязычных документов и веб-сайтов, корпоративных документов котируемых на биржах компаний, деловых СМИ, исторических источников, визуальных современных источников (фотографии и видео). Термин «дискурс инвесторов» включает в себя нарративы инвесторов и менеджеров/директоров управляемых инвесторами сельскохозяйственных предприятий, материалы деловой прессы о земельных инвестициях и соответствующих консультациях и посредниках. Отметим, что правительства Украины и России существенно ускорили земельные инвестиции, используя образы земли, схожие с представлениями самих инвесторов (Visser et al., 2012).

Погружаясь в историю представлений иностранцев о черноземном регионе, можно заметить, что их состав сильно менялся. Соответственно, меняются и источники исследования. Сегодня большинство приезжих составляют иностранные компании, следо-

9. Некоторые интервью и материалы были собраны в ходе совместной работы с Брайаном Кунцем (Kuns et al., 2016).

вательно, источниками служат корпоративные документы и статьи в деловой прессе. В советское время таковыми были иностранные сельскохозяйственные консультанты и ученые, которые посещали этот регион. Знакомство этих гостей с черноземом можно проследить по скудным академическим источникам (Ioffe, Nefedova, 1998; Smith, 2014). В досоветское время «приезжими» можно считать американских ученых, работавших на министерство сельского хозяйства США (в конце XIX — начале XX века), а также российских и западных ученых и путешественников на службе у расширяющейся Российской империи (в XVIII–XIX веках). При анализе досоветского периода мы опираемся на прекрасные истории окружающей среды Муна, а также на первичные (оцифрованные) исторические источники (Moon, 2013, 2020; Tooke, 1800; Johnson, 1843; Carleton, 1900; Dokuchaev, 2017).

Очарование черноземом

«Пойдем на восток» — это название ветки на веб-форуме для немецких фермеров, заполненной яркими комментариями про инвестиции в Россию. «Пойдем, парни, — с воодушевлением написал один фермер в 2012 году, — тающая вечная мерзлота ждет нас... Идем туда и будем сеять до горизонта!» (Winter, 2012). Обширные площади сельхозугодий и доступность заброшенных земель часто отмечались в отчетах западных инвесторов, нацеленных на Восток (Visser et al., 2012). «Нью-Йорк Таймс» писал, что там можно найти «миллионы акров нетронутой, первозданной земли», которая ждет инвестиций (Kramer, 2008). Образ почти бескрайних плодородных полей, которые можно заполучить, захватил воображение западных инвесторов. Возникли и другие образы сельскохозяйственной земли в черноземной зоне, например, что участки там большие, ровные и квадратные. Тем не менее воображение покорило прежде всего сам чернозем. На него особенно обращали внимание в отчетах иностранных инвесторов и новых статьях о земельных инвестициях в черноземный регион, в которых иногда приводились цитаты из Василия Докучаева, родоначальника российского почвоведения XIX века, называвшего чернозем «царем почв» (Dokuchaev, 2017: 343) и утверждавшего, что он «дороже золота» (Dokuchaev, 1994). В корпоративных документах и на веб-сайтах царил восторг, иногда проиллюстрированный фотографиями этой замечательной почвы. Одна шведская инвестиционная компания, Black Earth Farming, даже использовала слово «чернозем» в своем названии. На ее веб-сайте восхвалялись многочисленные качества этой земли, такие как «большая доля гумуса», «значительная глубина слоя» и структура, помогающая удерживать влагу¹⁰. Очарование почвой привело

10. См. сноску 2.

к излишнему вниманию к земле, отделив ее от других важных для земельного инвестирования факторов, впоследствии преуменьшенных или вовсе забытых. Пристальное внимание к земле — и игнорирование других характеристик и более широкого контекста — можно проиллюстрировать на примере действий директора-основателя Black Earth Farming Михаэля Орлова. С целью привлечь инвесторов, он отправился на «гастроли» по европейским финансовым центрам. В качестве реквизита он взял с собой немного чернозема, который он демонстрировал потенциальным инвесторам, призывая их рассмотреть его и потрогать, дабы оценить качество (Visser, 2017; Deutsche Welle, 2008). Это прекрасно иллюстрирует процесс упрощения и абстрагирования, посредством которого из контекста вырывается один аспект ресурса, что представляет собой ключевой шаг в создании актива (Li, 2014; Visser, 2017). Инвесторы, таким образом, начинают использовать подобные представления о земле, которые и низводят «землю» до уровня «почвы».

Долгая история очарования черноземом

Очарование черноземом имеет долгую историю, которая уходит по меньшей мере ко времени экспансии Российской империи в черноземные степи в конце XVII века. Корнелиус Крюйс, голландский морской офицер, служивший Петру I во время завоеваний южных окраин империи в конце XVII — начале XVIII века, отмечал, что там «земля так жирна, что без внесения удобрений местные жители получают урожай вдвое выше, чем земледельцы в других странах» (Cruys, 1824: 286). В XVIII веке, во время путешествия по новым землям, которые сейчас считаются югом России и Украиной, императрица Екатерина II писала: «где бы они ни сеяли, везде изобилие... Эти земли и впрямь райские... здесь, без напряжения природы, без особых забот и затрат есть все, что человеку нужно» (Moon, 2013: 44). Многие иностранцы, посетившие черноземную зону после Крюйса, также отмечали необычайное плодородие почв (Johnson, 1843: 6; Veber, 1795: 169).

В исторических и современных заметках о черноземе часто упоминается его глубина, или толщина, как индикатор необычайного плодородия. Современные иностранные инвесторы, посещавшие черноземный регион, оставались под впечатлением от того, насколько «поразительно глубока» эта почва при ее «чудовищной производительности»¹¹. «Это идеальная земля — глубокая черная земля с невероятно толстым слоем гумуса» (Winter, 2012). Компания Black Earth Farming, которая на своем веб-сайте детально обсуждала многие особенности чернозема, в честь которого и выбра-

11. <https://www.ft.com/intl/cms/s/c/268d74fc-f8ec-11e1-8d92-00144feabdco.html#axzz3mSYeirp2>

ла свое название, особо подчеркивала, что земля, «как правило, очень глубокая, более 1 метра». Когда агроном Black Earth Farming показал на форуме компании фотографии толстого слоя черной почвы, аудитория «застонала от зависти» (Winter, 2012; ср.: Vissier, 2017: 195).

В процессе упрощения, необходимого для превращения природных ресурсов в стандартизованные финансовые активы, глубина почвы выступает ключевым параметром, затмевающим все иные индикаторы (содержание органических веществ, структуру, способность удерживать влагу и т.п.). Так, еще со времен Геродота приезжающие в черноземный регион всегда обращали внимание в первую очередь на «хорошую, глубокую почву» и ее плодородие (Moon, 2013: 44). А в середине XV века Йозефат Барбар утверждал, что в южном черноземном регионе возле дельты Дона местные жители получают урожай 1:100 благодаря плодородной почве (Moon, 2013: 44). В 1767 году сторонник освоения степей Петр Рычков говорил в Оренбурге о русском черноземе, как о «доброй, богатой, мягкой и глубокой черной земле» (Sunderland, 2004: 76); в книге 1795 года о хозяйстве Поволжья автор восхищается глубиной «знаменитой» почвы, которая «состоит в основном из верхнего слоя от 3 до 4 футов¹², но иногда толщина черного слоя доходит до нескольких аршин» (Veber, 1795: 169).

В отчете члена Санкт-Петербургского вольного экономического общества и Императорской Академии наук Вильяма Тука от 1900 года упомянуто, что в некоторых местах чернозем бывает «глубиной до локтя» (Тооке, 1900: 65). На Всемирной парижской выставке 1889 года получившая приз курируемая Докучаевым коллекция российских почв, содержала кубический метр чернозема, наглядно демонстрировавший его глубину, а сам чернозем был назван «стандартом плодородия» (Shevchenko, 2008). В отчете министерства сельского хозяйства США от 1900 года делался вывод, что глубина российского чернозема «в среднем, видимо, несколько больше, чем в наших прериях» (Carleton, 1900: 8). Восхищение невероятной глубиной чернозема подразумевало бесконечное плодородие и легкость ведения сельского хозяйства. Наблюдения досоветских посетителей российского Черноземья о том, что крестьяне не утруждают себя удобрением почвы (Moon, 2013), подтверждают убеждения о столь глубокой почве, на которой без особых усилий можно вести безрысковое сельское хозяйство. Западные наблюдатели были поражены тем, что крестьяне не удобряли навозом поля, а просто наваливали его «огромными кучами» за своими сараями (Johnson, 1843: 6). В 1795 году один из путешественников писал, что чернозем «знаменит тем, что не требует новых удобрений» (Veber, 1795: 169). Даже без удобрений урожаи были настолько обиль-

12. 1 фут равен 30,48 см; старая мера длины, равная 71,12 см.

ны, что крестьяне порой оставляли часть зерна необранным на полях (Moop, 2013: 44).

В целом же удивительно, как с XVII века и по сей день в представлениях о земле множество характеристик чернозема (структура, содержание органических веществ, химический состав, содержание минералов и т.п.) постоянно сводилось к одной — глубине почвы. Видимо, этот индикатор был выбран по двум причинам: во-первых, он простой и легко наблюдаем; во-вторых, кажется очевидной прямая связь между глубиной чернозема и его почти бесконечным плодородием. Кстати, установление подобной связи отмечается и в других черноземных регионах мира¹³.

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

Печальные результаты и игнорирование агроклиматических факторов

В этом разделе мы покажем, что заикленность на глубине почвы не позволила более трезво оценить выгоды и риски ведения сельского хозяйства в черноземном регионе, при этом особо сфокусируемся на климатическом риске как влекущем за собой наибольшие последствия. Первоначально инвесторы не уделяли достаточно внимания климатическим рискам ведения хозяйства в черноземной зоне, а потому оказались не готовы к суровому климату и соответствующим издержкам. Далее мы покажем, что инвесторы могли предвидеть подобные риски, если бы ознакомились с научной литературой. В последнем подразделе мы опишем, как постфактум инвесторы относятся к тому, что вовремя не учли климатические риски.

Как инвесторы оценивали погодные риски

Обратной стороной образа земли, сфокусированного на качестве почвы, стало то, что зарубежные инвесторы уделили недостаточно внимания погоде и агроэкологическим рискам ведения хозяйства в черноземном регионе. Компании признавали, что «неблагоприятные или неожиданные погодные условия» могут представлять «существенный» риск и что вегетационный период в России и в Украине довольно короткий (BEF, 2007: 17; Trigon Agri, 2007: 15). Тем не менее подобные высказывания оказались «слишком общими, шаблонными и/или самоочевидными» (Kuns et al., 2016: 209). При оценке рисков в корпоративных документах (занимаю-

13. Например, У. Кронон пишет, что американским поселенцам глубокая черная почва на Великих Равнинах «казалась почти неиссякаемым источником плодородия» (Cropon, 1991: 98).

ших 10–15 страниц) основное внимание уделялось политическим рискам, а климату отводился маленький параграф, причем о специфических погодных наблюдениях не было сказано вообще ничего (Kuns et al., 2016). В компании Trigon Agri (2007: 30) даже утверждали, что «черноземный регион менее подвержен экстремальным погодным условиям», нежели Западная Европа и США (см. также: Kuns et al., 2016). Западный менеджер украинского предприятия заявлял о «рае для фермера, (идеальном) климате... и феноменальной продуктивности земли». Климатические изменения также не занимали существенного места в оценке рисков иностранными инвесторами, так как многие ученые и политики предполагали, что изменения климата будут скорее выгодны российскому сельскому хозяйству.

Неудовлетворительные результаты

Несмотря на огромный потенциал чернозема, отмечавшийся многими, результаты сельскохозяйственной деятельности зарубежных инвесторов в России и в Украине часто оказывались разочаровывающими (Kuns et al., 2016; Visser, 2017). Например, три крупных иностранных компании, чьи акции котировались на биржах, в течение многих лет терпели убытки, и в результате они стремительно упали в цене. Две компании были даже вынуждены уйти с биржи и распродать свои земельные владения, а третья (ранее называлась Trigon Agri, а теперь Agromino) продала свои земли в России¹⁴. Можно отметить ряд причин такого безрадостного положения дел: слабая транспортная и складская инфраструктура (особенно в России), коррупция, избыточная бюрократия (Winter, 2012), негативные экономические эффекты быстро растущих и управляемых финансовым капиталом крупных предприятий (Kuns et al., 2016), низкая оплата труда и мотивация работников, геополитические трения, возникшие после конфликта между Россией и Украиной в 2014 году. Данные политические и социально-экономические обстоятельства были неплохо отражены в литературе, однако практически никакого внимания не уделялось тому, каким образом на отдачу от инвестиций повлияли представления инвесторов о земле, особенно игнорирование сурового климата, который постоянно доставлял неприятности местному сельскому хозяйству.

14. Прямой причиной этого стал геополитический конфликт между Россией и Украиной в 2014 г., однако более фундаментальным фактором все же были длительные экономические проблемы, вызванные недооценкой климата.

Хорошо известно, что советское (и досоветское) сельское хозяйство испытывало ряд проблем, а урожаи сильно колебались от года к году. Причины этого все еще обсуждаются, особенно в связи с ролью советского государства в усилении и игнорировании последствий, или даже создании неурожая и голода в сталинский период. Если мало кто сомневается в существенной роли изменчивой погоды (Wheatcroft, 1977; Wheatcroft, Davies, 1994; Ioffe, Nefedova, 2004; Smith, 2014), то по поводу ее значимости в сравнении с другими факторами ведутся споры. Для нас более важно то, что центральная часть бывшего Советского Союза (сейчас это черноземный регион России и Украины) характеризуется более суровым климатом и изменчивой погодой в сравнении с другими сельскохозяйственными районами в мире. Очевидно, что при сопоставлении с Западной Европой климат в черноземной зоне России и Украины более суров, зимы холоднее и длиннее, а вегетационный период короче (Dronin, Bellinger, 2005: 228). Г. Иоффе и Т. Нефедова отмечают, что «в Курске (52 градуса северной широты), расположенном в середине черноземного пояса России, более холодные зимы, чем в Финляндии в Хельсинки (61 градус северной широты)» (Ioffe, Nefedova, 2004: 47). Континентальный климат североамериканских прерий, казалось бы, более схож с черноземным поясом России и Украины, однако многочисленные исследования, начиная с начала XX века и по сей день, показывают, что на деле климат в российском Черноземье оказывается более суровым, чем даже в США (Carleton, 1900; Field, 1968; Wheatcroft, 1977; Ioffe, Nefedova, 2004; Dronin, Bellinger, 2005).

Начиная с конца XIX века все больше американских ученых, путешествовавших в Россию, в том числе по заданию министерства сельского хозяйства США, помимо множества сходств с американскими Великими равнинами отмечали более суровые климатические условия в России (Moon, 2020: 95-96, 112). Наиболее детальные наблюдения можно найти у М. Карлетона (Carleton, 1900; см. также: Moon, 2020). Он утверждал, что такие сходства, как крайне неравномерное выпадение осадков в течение года, «избыточная жара в середине лета и очень холодные зимы», относительно небольшой снежный покров (что ведет к недостатку влаги весной), «сильнее выражены в зерновом поясе России (почти совпадающем с черноземным поясом. — О. В.), нежели в США» (Carleton, 1900: 9). А именно: «снега здесь меньше, чем на Великих равнинах. Дождевых осадков существенно меньше, а колебания температур много выше (Ibid.).

В Самаре, важном зернопроизводящем регионе в восточной, более засушливой, части российского Черноземья, среднегодовые осадки составляли 396,4 мм, тогда как в Бисмарке в Северной Дакоте, который и так считается крайне засушливым местом для вы-

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

ращивания пшеницы, среднегодовые осадки составили 482,6 мм (Ibid.). Экстремальные температуры также оказались немного выше в Самаре, где в июле средняя температура была на 1,1 градуса выше, чем в Бисмарке, при среднегодовой температуре на 0,4 градуса ниже (Ibid.: 9-10).

В работе Н. Филда по советскому периоду представлено редкое сравнение агроклиматических условий в СССР и США (Field, 1968). На основании анализа длины вегетационного периода и отношения осадков и испарений он пришел к выводу, что около 80% пахотных земель в Советском Союзе относятся к наименее благоприятной термальной зоне (Field, 1968: 9). Согласно Филду (Field, 1968: 8), климат в Ростовской области, одном из главных сельскохозяйственных регионов России, расположенных на юге черноземной зоны, эквивалентен Южной Дакоте, занимающей маргинальное положение в сельском хозяйстве США (Ioffe, Nefedova, 2004: 47). В постсоветское время Иоффе и Нефедова (Ioffe, Nefedova, 2004: 48) воспроизвели методологию Филда на улучшенных данных и пришли к тем же выводам, а Н. Дронин и Е. Беллинджер также указывали на более суровый климат в России (Dronin, Bellinger, 2005: 8). Помимо более экстремального климата, что выражено в годовых температурах и осадках, погода в России более изменчива от года к году. С. Уиткрофт, долгие годы занимавшийся исследованиями советского сельского хозяйства и влияния на него погодных условий, делает следующий вывод: «Вследствие целого ряда метеорологических факторов погода в СССР, и в особенности в главных сельскохозяйственных зонах, гораздо более изменчива, чем в других сельскохозяйственных регионах. Степень изменчивости среднегодовых температур и уровней осадков все еще существенная, даже если сгладить их с помощью пятилетней скользящей средней» (Wheatcroft, 1977: 3).

Изменчивость погоды происходит из «комбинации выраженного континентального климата и случайных сезонных циклонов» (Ibid.), порождающих «сухие горячие восточные ветра», которые дуют «из Центральной Азии через Поволжье, Северный Кавказ и Украину» (Ibid.). Эти горячие ветра из пустынь повышают температуру и затрудняют дожди, приводя к серьезным засухам по всему черноземному региону.

Иностранные компании борются с климатом

Когда иностранные компании зашли в черноземный регион, они почти не обратили серьезного внимания на историю неустойчивых урожаев и роль в этом сурового и изменчивого климата, а лишь иногда указывали на неправильное управление и неэффективность в советском сельском хозяйстве. Содержание корпоративных документов таково, как если бы не существовало никакой истории ведения сельского хозяйства в регионе (Kuns et al., 2016). Однако как

только компании начали свою деятельность, они быстро столкнулись с теми же климатическими проблемами, что и советские предприятия. Долгие зимы приводят к коротким «окнам» для сельскохозяйственных работ, вроде посева, внесения удобрений и сбора урожая (по мере того как погода быстро меняется в течение короткого вегетационного периода). Превозносимый чернозем становится непреодолимой преградой, когда тающий снег превращает его в грязь. Вот как это описывает иностранный менеджер предприятия на юге России: «Большая часть удобрений вносится в снег или на мерзлую почву... Только в это время можно ездить; как только снег растает, поля станут непроходимыми на несколько недель! К тому времени, когда ездить станет можно, будет уже поздно вносить азот, иначе станет слишком сухо, чтобы от него была какая-то польза!» (Jewer, 2013).

В отчете Trigon Agri (Agrimoney.com, 2015) суммируются все погодные угрозы, с которыми столкнулась эта скандинавская компания только за один год: наводнения в июле («задержали и навредили» раннему сбору урожая, за ними последовала «сухая и крайне жаркая» погода с августа по середину октября, когда не было «ни одного нормального дождя за три месяца»). Наконец, в ноябре случился «нехарактерный для этого сезона мороз», повлиявший на поздний сбор урожая и на подготовку к следующему году. Инвесторы, с которыми мы проводили интервью, признали, что сильно переоценили важность плодородия почвы для достижения хороших сельскохозяйственных результатов и прибылей (Kuns et al., 2016). Один из них заявил, что его компания, как и другие западные, «опирались на чересчур упрощенный взгляд» (Visser, 2017: 195). С течением времени, терпя убытки, инвесторы поняли, что погодные условия, особенно дожди, более важны, чем они первоначально считали. Как мне в интервью сказал один инвестор: «У вас может быть лучшая почва в мире, но если температура подсакивает выше 35 градусов, а температура почвы доходит до 60 градусов, тогда у вас не будет дождей 4–5 недель подряд, а это убьет ваш урожай» (Visser, 2017: 196).

Итак, сельскохозяйственные образы, заикленные на почве и в особенности на ее глубине — хороший пример разделения, упрощения и абстрагирования, что является частью процесса превращения земли в ресурс и актив — оказались слишком поверхностными. Инвесторы использовали образы, которым не хватало «глубины» с точки зрения знания региональных агроклиматических условий и истории сельского хозяйства. В тех редких случаях, когда инвесторы учитывали, например, осадки, они использовали стандартные показатели вроде среднегодового уровня осадков в области, что не отражает огромных региональных и сезонных различий. В результате созданные активы базировались на шатком фундаменте. Как только сельскохозяйственные предприятия и их акционеры, столкнувшись с постоянными засухами, поняли,

что плодородие почвы оказалось слабым критерием успешности для получения хороших урожаев и высокой прибыли, земля как финансовый актив серьезно потеряла в доверии, что выразилось в падении цен на акции и ликвидности землевладений (Kuns et al., 2017; Visser, 2017).

Почему представления о земле не учитывают климат?

Многовековое игнорирование климата в представлениях о черноземе вызывает вопрос: как такое могло случиться? Данный вопрос также открывает путь к более широким, нежели только чернозем, и более теоретическим размышлениям об игнорировании климата в образах земли. Редкие исследования, где затрагивается этот вопрос (и то мимоходом), подсказывают, что умаление значимости климатических условий в представлениях инвесторов о земле не относится исключительно к черноземному региону. Например, в ходе колонизации Великих равнин в США фермеры часто недооценивали риски засух (Worster, 1979; Rees, 2004). В Австралии, известной своим тяжелым климатом, ряд инвестиционных проектов и крупных инвесторов потерпели неудачу, так как недооценивались климатические риски (Magnan, 2015). Следуя за утверждением Ф. Ойкоттера и У. Любкена, что «игнорирование окружающей среды имеет множество сторон и причин» (Uekotter, Lubken, 2014: 3), в данном разделе мы попытаемся раскрыть их на примере представлений о земле. Мы предлагаем остановиться на поиске ответов на следующие вопросы: Является ли такое игнорирование в образах земли «нормальным» результатом избирательности, присущей процессу создания ресурсов? Или это имеет отношение только к созданию ресурсов на фронтах? Существуют ли иные исторические или материальные аспекты ресурса, которые могут объяснить устойчивое игнорирование климатических рисков, как в случае с черноземом?

Создание ресурсов и игнорирование климата

Подготовка объектов природы к эксплуатации и/или инвестированию включает в себя процесс отбора и упрощения (Li, 2014; Richardson, Weszkalnys, 2014; Visser, 2017). Не все аспекты природного объекта в одинаковой степени подходят для этого с точки зрения бизнеса, поэтому выделяются определенные из них, а другие удаляются в лучшем случае поверхностного внимания, а то и вовсе игнорируются. Однако именно климат оказывается очень важным с точки зрения успеха либо провала сельскохозяйственного предприятия, так что общий процесс упрощения, являющийся частью создания ресурсов, не может объяснить его игнорирования.

Более того, поскольку его игнорирование было столь устойчивым на протяжении веков даже перед лицом накапливающихся фактов, следует принять во внимание какие-то дополнительные факторы/силы.

Фронтиры игнорирования климата

В литературе по ресурсным фронтам можно найти дополнительное объяснение более известных случаев игнорирования климата. В ситуации фронта, когда новый ресурс или новый регион становится объектом ресурсной эксплуатации, знания инвесторов об этом ресурсе или местности «почти всегда скудны» (Uekotter, Lubken, 2014: 4). Кроме того, с фронтами обычно связывается идея о преимуществах первопроходца, что ведет к поспешным решениям инвесторов, основанным на крайне ограниченных доступных знаниях (Li, 2014: 595). В досоветское (и до определенной степени в постсоветское) время черноземный регион можно считать ресурсным фронтиром, так как имперская колонизация степей в XVII–XVIII веках вытеснила кочевое животноводство за счет оседлого земледелия¹⁵. В XIX — начале XX века распространение железных дорог и превращение черноземной зоны в мирового экспортера пшеницы означали интенсификацию ресурсного фронта. Уже до установления советской власти в 1917 году практически все Черноземье России и Украины было распаханно (Ioffe, Nefedova, 1998). В постсоветский период идея о черноземной зоне как о ресурсном фронтире для международных сельскохозяйственных инвестиций вновь появилась в популярных и академических публикациях (Kramer, 2008; Visser et al., 2012; Winter, 2012). Она подкреплялась доступностью обширных площадей предположительно «чистой, нетронутой» земли (Kramer, 2008), которая оказалась заброшенной во время глубокого кризиса 1990-х годов (Visser et al., 2012), а также быстрым возвращением продукции регионального сельского хозяйства на мировые рынки.

В досоветские времена новичкам фронта не хватало информации о его агроклиматических условиях, так как ведение сельского хозяйства в Черноземье продолжалось недолго, и знания о почве и климате были все еще в зачаточном состоянии¹⁶. Климат игнорировался в существенной степени из-за нехватки информации о нем. Во время земельной лихорадки 2000-х годов уже имелись богатые научные знания об агроклиматических факторах и инструменты для измерения агроклиматических условий (сен-

15. Сюда же можно отнести и часть XIX века.

16. Тем не менее почвоведение постепенно зарождалось, особенно в России (Moon, 2013, 2020).

соры влажности, данные погодных станций и т.п.). Однако такое (современное) знание не сильно повлияло на земельных инвесторов, поскольку ими руководило типичное фронтирное мышление: быстрое накопление как можно большего количества дешевого ресурса (земли), пока цены не выросли. Исполнительный директор одной скандинавской компании жаловался, что его совет не покупать крупное сельскохозяйственное предприятие из-за неблагоприятных агроклиматических характеристик его расположения был проигнорирован советом директоров, у которых преобладало стремление купить как можно больше черноземных площадей (Kuns et al., 2016). Стратегия, ориентированная на лихорадочную скупку земель, фактически без учета агроклиматических обстоятельств, объяснялась, в частности, тем, что высший менеджмент крупных сельскохозяйственных компаний зачастую состоял из выходцев из финансовой сферы, сектора недвижимости и т.п., а вовсе не из агробизнеса¹⁷. Ни в одной из трех скандинавских компаний, чьи акции обращались на фондовых рынках, в совете директоров в течение первых лет работы в России и в Украине не было никого с сельскохозяйственным опытом (Kuns et al., 2016).

Представители иностранных компаний, конечно, знали кое-что про климатические риски, но полагали, что их можно сгладить. Они хотели справиться с погодой и рисками изменения климата с помощью так называемого «погодного хеджирования», т. е. такого географического распределения земельных площадей, чтобы неблагоприятная погода в одном регионе (например, засуха или град) компенсировалась более благоприятной погодой в другом (Trigon Agri, 2011: 7). Иными словами, что им не нужно будет сильно волноваться по поводу местных агроэкологических особенностей, поскольку природные риски выравниваются в масштабе географически распределенных землевладений. Однако предположения, что климат в черноземной зоне является довольно мягким, предсказуемым, что он разнообразен внутри региона, и это позволит применить погодное хеджирование, противоречили научным данным. Как мы писали выше, многочисленные исследования с начала XIX века говорили о высоком риске засухи в данном регионе и убедительно показывали, что климат здесь значительно суровее, чем в сельскохозяйственных районах США. Например, Уиткрофт доказал, что большинство засух накрывали черноземный пояс почти целиком, на протяжении тысяч километров от Западной Украины до европейской части России, подрывая тем самым удобную версию о погодном хеджировании (Wheatcroft, 1977). Однако более сба-

17. Научно обоснованные действия также могут быть неоднозначными. Например, Дэвис показал, как неверные идеи французских ученых об обезлесении и опустынивании Северной Африки ввели в заблуждение колониальные аграрные проекты (Davis, 2007).

лансированным оценкам, учитывающим знания о климате, мешали не только поспешные, типичные для ресурсных фронтиров, решения компаний. Как мы покажем ниже, оплошности инвесторов проистекали из гораздо более широкого и устойчивого в западной науке и политическом консультировании о постсоветском сельском хозяйстве игнорирования климата.

Идеология и игнорирование климата

Игнорирование инвесторами множества научных данных и исторического опыта по поводу климата в черноземной зоне стоит рассмотреть в более широком контексте длительного игнорирования подобного знания в рамках западных обществ, как политических консультантов, так и ученых. Множество факторов повлияло на то, что инвесторы упустили климат из виду.

Во-первых, озабоченность идеологией привела к забвению исследований климата, что мешало выносить беспристрастные оценки, предвзятые суждения были характерны как для академических, так и для политических исследований, а также для инвесторов. В западной литературе провалы советского сельского хозяйства часто объясняли только политическими факторами (неэффективностью командной экономики, слабой трудовой мотивацией в колхозах и т.п.), тогда как фактор климата объявлялся простой отговоркой советского режима (Ioffe, Nefedova, 2004: 47; Smith, 2014). Здесь мы имеем дело с пассивным «созданием» незнания (незнания как «селективного выбора» или как «потерянной области» в терминах Р. Проктора (Proctor, 2008: 4)). Досоветские исследования, как, например, работа Карлетона и других, были забыты, а новые исследования климатических факторов оказались практически неизвестны в советский период (за исключением работы Филда (Field, 1968)). Сама советская власть твердо верила в инженерию и поэтому не терпела, когда председатели колхозов ссылались на климат в качестве оправдания неудач (Dronin, Bellinger, 2005). Как отмечал Дж. Смит: «Крайне важно, что советское государство не видело своей главной угрозы, которая была природной, а не культурной. Оно считало советское село социально отсталым, и чтобы стать современным, нуждающимся в наведении порядка и дисциплине» (Smith, 2014: 61).

Однако сельское хозяйство «управлялось суровой реальностью природы в гораздо большей степени, нежели отсталым социальным мышлением или революционным политическим духом» (Ibid.). В целом же, несмотря на наличие значительного корпуса литературы о климатических рисках в черноземном регионе, она была по большей части забыта по причине того, что Проктор называл незнанием в форме «селективного отбора» или «пассивного конструктора» (Proctor, 2008: 6).

Во-вторых, главенствующий дискурс, который описывал неудачи советского сельского хозяйства исключительно политическими причинами, хорошо подходил для восприятия иностранными земельными инвесторами, поскольку помогал создавать в будущем многообещающий образ российского сельского хозяйства, свободного от социалистической бюрократии. Наблюдения инвесторов о большом количестве заброшенных земель (AlpcotAgro, 2008) также повлияли на представления о том, что в российском сельском хозяйстве все можно начать с чистого листа. Идеология переселенцев/колонизаторов обычно негативно оценивает то, как взаимодействуют с природой аборигены, и это часто приводит к игнорированию ими погодных рисков. Например, американские переселенцы считали применяемые индейцами способы борьбы с засухой примитивными и неадекватными (Moon, 2020), французские колониальные плантации в Северной Африке в свое время жестоко пострадали от поверхностных представлений, согласно которым засушливые земли образовались не в результате климатических условий, а из-за выпаса скота и вырубки лесов местным населением (Davis, 2007).

Сознательное климатическое невежество?

Возникает вопрос, насколько земельные компании и брокеры были в курсе климатических рисков, продолжали ли они их сознательно умалывать или вовсе игнорировать, или даже шли на фальсификацию информации, в результате чего незнание уже выступало в форме «активного конструкта» и «стратегической хитрости» (Proctor, 2008: 8). Исследования Великих равнин в США дают множество примеров активного придерживания неблагоприятной информации о земле, или даже сознательного создания ложной, излишне оптимистичной картины со стороны американских инвесторов, замалчивающих климатические риски. Например, в 1844 году Джошуа Грегг распространил слух, что усиленная обработка земли может увеличить количество осадков (Rees, 2004: 82; Uekotter, Lubken, 2014: 5). Эта «теория» была сперва взята на вооружение неким ученым и множеством фермеров, стекавшихся на западный фронт. Знания, которые опровергали подобные истории, утаивались. Член американского геологического общества, активно опровергавший подобные мнения, недооценивающие климатические риски, был вынужден покинуть свой пост (Rees, 2004: 83-84). Изучение корпоративной документации и глубинные интервью с инвесторами в российские сельскохозяйственные земли не выявили признаков сознательного замалчивания климатических рисков, следовательно, незнание в данном случае можно считать прежде всего «пассивным конструктом» (Proctor, 2008: 6), покоящимся на фундаменте дли-

тельной истории пассивного незнания в науке и политике эпохи холодной войны.

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

Чувства, знания и игнорирование климата

Трудности в правильном восприятии климата способствовали тому, что идеология смогла относительно легко превратить большой корпус литературы по климату в черноземном регионе в «потерянную область» (Proctor, 2008: 4). Одновременное очарование почвой и игнорирование климата также оказалось результатом различий в способности собрать воедино знания по этим двум вопросам. Здесь будет интересно напомнить описание Д. Керансом того, как предполагаемые путешественники в Тамбовскую губернию XIX века могли бы воспринять эту сельскую местность: «Если путешественники никогда прежде здесь не были, то почва под травой, скорее всего, обратила бы на себя их внимание. Везде, где земля обнажалась под недавней вспашкой, ее темно-коричневый оттенок, иногда почти черный, выдавал плодородность земли. Пройдя далеко на юг или восток, путешественник заметил бы, что источники воды оскудели. Если бы он по пути расспросил местных, то узнал бы, что дожди тут идут не так исправно. Дальше на юго-восток монотонность ландшафта сопровождается непредсказуемостью осадков. Качество почвы там остается непревзойденным, но угроза засухи навсегда бы осталась в крестьянском сознании» (Kerans, 2001: 28).

Данное описание дает представление о важном различии в наших способностях при оценке почвы или климата. Качество почвы, особенно открытой, можно оценить визуально. Напротив, число дождей (и риск засухи) нужно оценивать косвенным образом, внимательно наблюдая за уменьшающимися источниками воды и расспрашивая местных крестьян. Более того, относительный недостаток чего-либо, например, дождей, труднее заметить, нежели постоянное присутствие чего-либо вроде почвы, многочисленные параметры которой (например, цвет, глубину и структуру) можно оценить в любое время. Зрение оказывается основным средством восприятия ландшафтов, да и мира в целом, особенно в европейском (включая российское) обществе, где знания преобладают над эмоциями. «Существует сильная связь, формировавшаяся более 500 лет, между современным восприятием ландшафта <...> и использованием зрения в качестве главного средства установления соответствия между пространством и человеческими нуждами» (Cosgrove, 2003: 249). Через картины, а позднее фотографии визуальные наблюдения становились более понятными средствами коммуникации, нежели информация, собранная в виде запаха или вкуса, таким образом, они быстро превращались в приемлемое знание. Как мы упомянули выше, компании, работающие

в черноземном регионе, использовали визуальные образы чернозема как напоминание о благоприятных условиях ведения в нем хозяйствования.

Кроме зрения почву можно потрогать или понюхать, что дает еще больше информации о ее структуре. Прикосновение, запах и даже вкус рождают эмоции сопричастия, что усиливает положительные связи с почвой. Иоффе и Нефедова описывают, как западных ученых, посещавших Советский Союз, просили выйти из автобусов, чтобы потрогать чернозем, они «растирали жирные сырые комки почвы в руках», впечатленные ее плодородием (Ioffe, Nefedova, 1998: 196). Оценивать климат значительно труднее, ведь погода не являет себя в относительно неизменном виде, подобно почве, которую легко увидеть, запечатлеть и передать в виде изображения. Погода может меняться ежедневно, и для обнаружения погодных закономерностей (климата) нужен целый набор менее очевидных индикаторов, измеряемых с помощью разнообразных приборов. Подобное разнообразие оказывается значительным препятствием для оценки климата, особенно когда климат крайне изменчив по годам или сильно варьирует хотя бы по десятилетиям¹⁸. Так, в течение всего периода с 1878 по 1887 год на всей территории Великих равнин к западу от 98-го меридиана шли необычайно обильные дожди (Rees, 2004: 84). Крайне нетипичные осадки привлекли в эту область множество фермеров, которые поверили, что таков климат в этом районе, оптимистично предполагая, что недавно построенные железные дороги, линии электропередач или интенсивная вспашка усиливают дожди. В России от года к году климат еще более изменчив (Dronin, Bellinger, 2005: 5-6). Уиткрофт и Дэвис полагают, что рост сельскохозяйственного производства в России начала XX века, который многие связывают с политическими решениями (например, со столыпинскими земельными реформами), на деле был вызван длительным периодом крайне благоприятных погодных условий (Wheatcroft, Davies, 1994: 45). Трудности в сельском хозяйстве 1920–1930-х годов, которые, безусловно, явились в том числе результатом непродуманной политики, были в значительной степени следствием нескольких последовавших одна за другой засух (Wheatcroft, 1977). Таким образом, погодная изменчивость в целом, а также резкие перемены климата по годам или десятилетиям, могут легко ввести в заблуждение даже ученых, обладающих обширными данными, не говоря уже о приезжих, которые вынуждены оценивать ситуацию на месте, основываясь на собственных ощущениях.

18. И это без учета антропогенного воздействия.

Использованный нами подход к земельным инвестициям и трансформациям с точки зрения анализа истории окружающей среды позволяет сделать выводы о поразительной устойчивости представлений о земле, даже когда их материальные основы довольно шаткие. Очарование земель, в особенности глубиной ее плодородного слоя, со стороны инвесторов имеет многовековую историю. Это приводит зачастую к умалению или игнорированию других факторов, особенно климатических рисков, что серьезно отражается на жизнеспособности сельскохозяйственных предприятий. Исследование образов земли и деятельности инвесторов в черноземном регионе, а также сходных тенденций в других частях света, приводит к выводу, что историческое измерение восприятия земли заслуживает большего внимания. Особенно удивляет частое и вредное игнорирование или недооценка климата.

Неисследованная история окружающей среды, о которой также шла речь в статье, требует уделять больше внимания истории земельных инвестиций (Edelman, Leon, 2013; Ouma, 2016). Несмотря на всю изощренность современных транснациональных земельных инвесторов, опирающихся на образы земли, их ошибкой оказывается все то же недопонимание агроклиматического контекста сельскохозяйственных земель, что и их исторических предшественников. Избирательность и упрощение при создании ресурсов в целом, а также на фронтах в частности; трудности при оценке климата, особенно при его значительной изменчивости, когда часто приходится полагаться на собственные органы чувств; распространенные идеологически предвзятые оценки, приведшие к забвению научных данных советской поры, — все эти факторы и привели к поразительному игнорированию климатических рисков со стороны современных инвесторов в черноземный регион.

«Слепые пятна» в образах земли, используемых инвесторами, воспроизводятся в академических исследованиях по земельным инвестициям и трансформациям по всему миру. Если таким характеристикам земли, как права собственности и территории расположения, уделено много внимания, то климатические условия остаются второстепенной темой. Безусловно, изменения климата как глобальная проблема, присутствует во многих работах, но когда климат рассматривается как более постоянное и сколько-нибудь предсказуемое условие, он перестает быть аналитической категорией. Видимо, климат и впредь будет сдвигаться на обочину человеческого внимания, пока не проявит себя в форме неожиданных, резких и «аномальных» изменений. Это напоминает утверждение Е. Хирша, что ландшафт и природа воспринимаются в лучшем случае как фон для других вещей, как область возможного, место иного, нежели настоящая, фактическая реальность (Hirsch, 1995). Понятие «представления о земле», в купе с историческим подходом и иссле-

О. Виссер

Западные агроинвесторы в России и Украине: очарованные почвой — разочарованные климатом

дованием незнания (Proctor, 2008), может помочь направить наш взгляд на избирательность, незнание и неявную природу человеческих восприятий и репрезентаций при изучении земельных трансформаций и климата, а также их огромного социально-экономического и экологического значения.

Пер. с англ. А. А. Куракина

Western agricultural investors in Russia and Ukraine: From fascination with soil to disappointment with climate

Oane Visser, Senior Researcher, International Institute of Social Studies (ISS), The Hague, of Erasmus University Rotterdam, The Netherlands The Hague, Kortenaerkade 12, 2518 AX. E-mail: visser@iss.nl

Abstract. This article looks at how imaginaries of land and climate play a role in farmland investment discourses and practices. Foreign farmland investors in the fertile black earth region of Russia and Ukraine have 'celebrated' soil fertility while largely ignoring climatic factors. The article shows a centuries-long history of outsiders coming to the region lured by the fertile soils, while grossly underestimating climate which has had disastrous implications for farm viability and the environment. Comparisons with historical and contemporary literature on other regions (e.g. the US prairies and North Africa) suggest that the underestimation of climatic risks by newcomers is remarkably prevalent in resource frontiers.

Key words: land imaginaries, ignorance, soil, farmland investment, climate

References

- Agrimoney.com. (2015). Trigon Agri counts cost of Ukraine drought. Russia land deal. Agrimoney.com. <https://www.agrimoney.com/news/trigon-agri-counts-cost-of-ukraine-drought-russia-landdeal9056.html>. Accessed November 30 2015.
- AlpcotAgro (2008) Annual report 2007, Stockholm. <https://www.agrokultura.com/financial%2520report.aspx>. Accessed January 15 2014.
- BEF (Black Earth Farming). (2007) Invitation to subscribe for depository receipts in Black Earth Farming LTD, Stockholm. https://files.shareholder.com/downloads/ABEA-4N3094/3863033178xox518759/CFB7FA53-345F-4F98-AD65-ACA361379E5F/BEF_Int_Prospectus_Non_US.pdf. Accessed December 15 2014.
- Bennett J. (2010) *Vibrant matter: A political ecology of things*, Durham: Duke University Press.
- Bridge G. (2009) Material worlds: Natural resources, resource geography and the material economy. *Geography Compass*, vol. 3, no 3, pp. 1217–1244.
- Carleton M. A. (1900) Russian cereals. Adapted for cultivation in the United States. *USDA division of botany*, bulletin 23, Washington: Government Printing Office.
- Cosgrove D. (2003) Landscape and the European sense of sight-eyeing nature. *Handbook of cultural geography*, ed. K. Anderson, M. Domosh, S. Pile, and N. Thrift, London: Sage, pp. 249–268.
- Cronon W. (1991) *Nature's metropolis. Chicago and the Great West*, New York: W. W. Norton and Company.
- Cruys C. (1824) 'O nravakh i obyknovenyakh Donskikh Kazakov, v kontse XVII veka' [About mores and customs of Don Cossacks in the end of 17th century]. *Severnaya arkhiv*, vol. 11, pp. 283–296.

- Davis D. K. (2007) *Resurrecting the granary of Rome: Environmental history and French colonial expansion in North Africa*, Athens, OH: Ohio University Press.
- Davis D. K. (2011) Imperialism, orientalism, and the environment in the Middle East. *Environmental imaginaries of the Middle East and North Africa*, ed. D. K. Davis and E. Burke III, Athens, Ohio: Ohio University Press, pp.1–22.
- Deutsche W. (2008) Made in Germany: German farmers discover the Ukraine. *Deutsche Welle-TV*. <https://www.youtube.com/watch?v=TQIQQxxFHg4>. Accessed August 15 2016.
- Dokuchaev V. V. (1994) *Dorozhe zolota Russkii chernozem* [Russian black earth values more than gold], Moscow: MGU Press.
- Dokuchaev V. V. (2017) *Lektsii o pochovedenii. Izbrannye trudi* [Lectures on soil science. Selected works], Moscow: Yurait. Dronin,
- Dronin N. M., Bellingier E. G. (2005) *Climate dependence and food problems in Russia 1900–1990: The interaction of climate and agricultural policy and their effect on food problems*, Budapest, New York: CEU University Press.
- Edelman M., León A. (2013) Cycles of land grabbing in Central America: An argument for history and a case study in the Bajo Aguán, Honduras. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1697–1722.
- Field N. C. (1968) Environmental quality and land productivity: A comparison of the agricultural land base of the USSR and North America. *Canadian Geographer*, vol. 7, no 1, pp. 1–14.
- Goldstein J. E. (2016) Knowing the subterranean: Land grabbing, oil palm, and divergent expertise in Indonesia's peat soil. *Environment and Planning A*, vol. 48, no 4, pp. 754–770.
- Hirsch E. (1995) Introduction: Landscape-between place and space. *The anthropology of landscape: Perspectives on place and space*, ed. E. Hirsch and M. O'Hanlon, Oxford: Oxford University Press, pp. 1–30.
- Ioffe G., Nefedova T. (1998) *Continuity and change in rural Russia. A geographical perspective*, Boulder: Westview Press.
- Ioffe G., Nefedova T. (2004) Marginal farmland in European Russia. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 45, no 1, pp. 45–59.
- Jasanoff S. (2015) *Imagined and invented worlds. In Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power*, ed. S. Jasanoff and S.-H. Kim, Chicago: University of Chicago Press, pp. 321–341.
- Jewer R. (2013) Farming in Russia. *Farmers weekly*. <https://www.fwi.co.uk/machinery/farming-in-russia.htm>. Accessed May 2016.
- Johnson C. (1843) The manures adapted for different soils. *The British Farmer's Magazine*, vol. 7, no 25, pp. 5–25.
- Kerans D. (2001) *Mind and labor on the farm in Black-Earth Russia, 1861–1914*, Budapest, New York: CEU Press.
- Kramer A. E. (2008) Russia's collective farms: Hot capitalist property. *New York Times*. 30 August. http://www.nytimes.com/2008/08/31/business/world-business/31food.html?pagewanted=print&_r=0. Accessed 10 Oct 2020.
- Kuns B., Visser O., Wästfelt A. (2016) The stock market and the steppe: The challenges faced by stock-market financed, Nordic farming ventures in Russia and Ukraine. *Journal of Rural Studies*, no 45, pp. 199–217.
- Larder N., Sippel S. R., Argent N. (2017) The redefined role of finance in Australian agriculture. *Australian Geographer*, vol. 49, no 3, pp. 397–418.
- Li T. M. (2014) What is land? Assembling a resource for global investment. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 39, no 4, pp. 589–602.
- Magnan A. (2015) The financialisation of agri-food in Canada and Australia: Corporate farmland and farm ownership in the grain and oilseed sector. *Journal of Rural Studies*, no 41, pp. 1–12.
- Moon D. (2013) *The plough that broke the steppes. Agriculture and environment on Russia's grasslands, 1700–1914*, Oxford: Oxford University Press.

- Moon D. (2020) *The American steppes. The unexpected Russian roots of Great Plains agriculture, 1870s–1930s*, Oxford: Cambridge University Press.
- Ouma S. (2016) From financialization to operations of capital: Historicizing and disentangling the finance-farmland-nexus. *Geoforum*, no 72, pp. 82–93.
- Proctor R. N. (2008) Agnotology: A missing term to describe the cultural production of ignorance (and its study). *Agnotology: The making and unmaking of ignorance*, ed. R. N. Proctor and L. Schiebinger, Redwood City, CA: Stanford University Press, pp. 1–36.
- Rees A. (2004) *The Great Plains region*, Westport, London: Greenwood Press.
- Richardson T., Weszkalnys G. (2014) Introduction: Resource materialities. *Anthropological Quarterly*, vol. 87, no 1, pp. 5–30.
- Shevchenko V. E. (2008) Slovo o Russkom chernozeme, ili kto spaset tsarya pochvu? [A word about Russian black earth, or who can save the king of soils?]. *Vestnik Ore/GAY*, no 1, pp. 28–29.
- Sippel S. R., Visser O. (2020) Introduction to Symposium: Reimagining land: Materiality, affect and the uneven trajectories of land transformation. *Agriculture and Human Values*. <https://doi.org/10.1007/s10460-020-10152-3>.
- Smith J. L. (2014) *Works in progress. Plans and realities on Soviet farms, 1930–1963*, New Haven: Yale University Press.
- Sunderland W. (2004) *Taming the wild field. Colonization and Empire on the Russian Steppe*, Ithaca: Cornell University Press.
- The Local (2009) *Swedish farm snaps up Russian farmland*. 12 October, AFP/The Local.se. <https://www.thelocal.se/20091012/22606>. Accessed October 15 2016.
- Tooke W. F. R. S. (1800) *View of the Russian Empire during the reign of Catharine the second and to the close of the eighteenth century*, 2nd ed, vol. 1, London: T. N. Longman and O. Rees, Paternoster.
- Trigon Agri (2007) Company description in connection with the admission to trading on First North. https://www.trigonagri.com/wpcontent/uploads/2011/07/Trigon_Agri_Company_Description_2007.pdf. Accessed December 15 2014.
- Trigon Agri (2011) Annual report 2010. <https://www.trigonagri.com/investor-relations/financial-reports/annual-reports/>. Accessed January 15 2014.
- Uekötter F., Lübken U. (2014) The social functions of ignorance. *Managing the unknown. Essays on environmental ignorance*, ed. F. Uekötter and U. Lübken, London: Berghahn, 1–11.
- Veber I. I. (1795) Primechaniya o razlichnykh predmetakh khoziaistva v Ekaterinoslavskom Namestnichestve [Notes on the different economic issues in the Ekaterinoslav vicegerency]. *Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva*, vol. 50, pp. 169–201
- Visser O. (2017) Running out of farmland? Investment discourses, unstable land values and the sluggishness of asset making. *Agriculture and Human Values*, vol. 34, no 1, pp. 185–198.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms, and land reserves: Understanding land grabbing in post-Soviet Russia. *The Journal of Peasant Studies*, no 39 (3–4), pp. 899–931.
- Visser O., Spoor M. (2011) Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake. *The Journal of Peasant Studies*, no 38, pp. 299–323.
- Wheatcroft S. G. (1977) The significance of climatic and weather change on Soviet agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). *CREES-SIP discussion paper*, no 11, Birmingham: University of Birmingham.
- Wheatcroft S. G., Davies R. W. (1994) *Agriculture. The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*, ed. R. W. Davies, M. Harrison, and S. G. Wheatcroft, Cambridge, New York: Cambridge University Press, pp. 106–130
- White B., Borras Jr. S. M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012) The new enclosures: Critical perspectives on corporate land deals. *The Journal of Peasant Studies*, no 39 (3–4), pp. 619–647.
- Winter S. (2012) Pig and protection money: German farmers seek their fortunes in Russia. *Der Spiegel International Online*. <https://www.spiegel.de/international/europe/>

- pigs-and-protection -money -german-farmers-seek-their -fortunes-in-russia-a-808377.html. Accessed September 1 2016.
- Wolford W., Borras Jr. S. M., Hall R., Scoones I., White B. (2013) Governing global land deals: The role of the state in the rush for land. *Development and Change*, vol. 44, no 2, pp. 189–210.
- Worster D. (1977) *Nature's economy. A study of ecological ideals*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Worster D. (1979) *Dust bowl: The southern plains in the 1930s*, Oxford: Oxford University Press.